

Ли Вэньжуй

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ ПРИ ОПИСАНИИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Лингвокультурологическое направление в изучении русского языка, русской фразеологии и паремиологии является одним из наиболее перспективных. Данная статья посвящена способам интерпретации русских паремий на фоне их китайских соответствий в лингвокультурологическом аспекте. Основным способом вычленения культурной коннотации паремий при сопоставлении с различными кодами культуры является лингвокультурологический комментарий. Данный комментарий включает в себя несколько этапов: описание значения основного компонента паремии, описание его образности и аксиологической ценности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 326-329. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. Левчаева Н. В. Публичное выступление как эффективное средство повышения качества обучения студентов // Мир науки и образования. 2015. № 1. С. 39–43.
15. **Общее языкознание: формы существования, функции, история языка** / под ред. Б. А. Серебренникова. М.: Наука, 1970. 597 с.

LITERARY LANGUAGE AS THE BASIS OF SPEECH CULTURE

Levchaeva Nadezhda Vasil'evna, Ph. D. in Philology
Mordovian Institute for the Humanities, Saransk
Levchaeva79@mail.ru

In our dynamic and very demanding time, a modern person must possess not only professional qualities, but also have a clear and normative speech in order to achieve the goals and tasks set. A literary language is considered the basis of speech culture, as it corresponds to the norms of the modern Russian language. The author describes the notion “speech culture”, examines norms of the literary language and gives the most common errors of deviation from the literary norms.

Key words and phrases: literary language; national language; language norm; culture of communication; spoken language; written language; error.

УДК 811.161.1+811.113.6:81'37:81'373.7:81-115

Лингвокультурологическое направление в изучении русского языка, русской фразеологии и паремиологии является одним из наиболее перспективных. Данная статья посвящена способам интерпретации русских паремий на фоне их китайских соответствий в лингвокультурологическом аспекте. Основным способом вычленения культурной коннотации паремий при сопоставлении с различными кодами культуры является лингвокультурологический комментарий. Данный комментарий включает в себя несколько этапов: описание значения основного компонента паремии, описание его образности и аксиологической ценности.

Ключевые слова и фразы: лингвокультурологический комментарий; паремия; орнитоним; зооним; аксиологическая ценность; коды культуры.

Ли Вэньжуй

Санкт-Петербургский государственный университет
feixuezaixiatian@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ ПРИ ОПИСАНИИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Паремиологические единицы как знаки языка и культуры изучаются в лингвокультурологическом аспекте, который берёт начало в исследованиях Д. Б. Гудкова (2002) [7], М. Л. Ковшовой (2013) [11], В. В. Красных (2002) [12], В. Н. Телия (1996) [19] и др. Основной целью лингвокультурологического анализа паремиологической единицы является выделение и описание культурно-национальных коннотаций, расшифровка информационных знаков культуры, заключенных в различного рода кодах. Культурный код является важным звеном в лингвокультурологическом анализе паремиологических единиц, в его основе лежит способность человека соотносить явления из разных областей познания, выделяя у них главные признаки. В состав паремий входят компоненты, относящиеся к различным кодам культуры: это и соматизмы (лицо, голова, волосы), и фитонимы, отражающие растительный код культуры (*маков цвет: подобно ярко красному маку* [6]; *как маков цвет* ‘о румяной, здоровой, миловидной и привлекательной девушке’ [14, с. 729]; *красна ягодка*), и зоонимы (орнитонимы, ихтионимы), раскрывающие зооморфный код культуры.

Основным способом вычленения культурной коннотации паремий при сопоставлении с различными кодами культуры является лингвокультурологический комментарий, который включает в себя несколько этапов: описание значения основного компонента паремии, описание его образности и аксиологической ценности [1; 10; 11]. Соотношение с кодами культуры происходит путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы: зооним (орнитоним, ихтионим и т.д.).

Так, при описании внешности человека посредством паремий в русском языке частотными являются компоненты-орнитонимы (названия птиц): *Красна (красива) птица пением, а человек умением; Ворона в павлиньих перьях; Видом орёл, умом – тетерев; Видом сокол, голосом ворона* [15]. Пословица *Очи сокольи, брови собольи* читается как ‘красивым является человек, который обладает гордым взглядом, острым зрением и густыми и тёмными бровями’. Приведём пример использования паремии при описании человека с привлекательной внешностью:

А Домнушка девица молоденькая, собою миленька, личиком беленька, очи соколы, брови собопы, глаза с поволокой, роток с позевотой, а девичья краса – русая коса лежит по спине до шелкова пояса (П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга вторая (1871-1874)) [16].

Лексемы *сокол*, *соколи* встречаются в поговорках чаще других орнитологических единиц. Образ поговорки создается зоометафорой *сокол*. В переносном смысле – это ‘мужчина, юноша, отличающийся силой, смелостью и красотой’ [20, с. 89]. Кроме того, *сокол* обладает острым зрением. Использование синонима *очи* также является условием для формирования положительной оценки внешности человека. *Очи* может быть ясным и чистым и используется для номинации «больших выразительных глаз (обычно женских)» [13, с. 449]. В поговорке подчеркивается внешний вид бровей – они похожи на мех соболя – темный, лёгкий и блестящий. На протяжении столетий мех соболя благодаря своей красоте и пышности ассоциировался с русскими царями, акцентируя внимание на их могуществе и величии. В XVII веке русские женщины сурьмили ресницы и брови, чернили светлые брови [8, с. 43]. В сочетании с *соколыми очами* такие брови довершали красоту глаз, закрепляя стереотип привлекательной внешности человека, сложившийся в XII-XIV веках в русской лингвокультуре.

Если за орнитонимами *сокол*, *соколёна (соколи)* закрепилась положительная аксиологическая оценка, то лексемы *ворона (вороний)* являются выразителями отрицательной коннотации: *Видом сокол, а голосом ворона; Вороне соколом не быть; Наряд соколи, а походка воронья; Сердце соколь, а смелость воронья; Своя жена – ворона, а чужая – соколёна* [15]. Толковые словари русского языка зоосемизм *ворона* относят к ‘рассеянному, невнимательному человеку’ [2, с. 677] или ‘крикливой, горластой женщине’ [18, с. 212]. На материале поговорок выделяются дополнительные признаки, характеризующие внешность и характер человека: некрасивая походка (*Наряд соколи, а походка воронья*); громкий и неприятный голос (*Видом сокол, а голосом ворона*); трусливость (*Сердце соколь, а смелость воронья*); завистливость, неблагодарность (*Своя жена – ворона, а чужая – соколёна*).

По внешнему виду *ворона* в поговорках противопоставлена *наве*: *Ворона в павлиньих перьях; От ворон отстала, а навам не пристала; Отцеголяла ворона в павлиньих перьях, ощипали её; Как ни вертись ворона, а спереди карга и сзади карга* [15]. Слово *карга* пришло в русский язык из тюркского, образовано от корня *kara*, что означает ‘чёрный’ [6].

Пава и *ворона* противопоставлены в поговорках по принципу красиво/некрасиво, где *пава* является символом красоты, а *ворона* – уродства.

Носителем положительной коннотации при описании внешности человека на материале поговорок является орнитоним *орёл* – ‘о человеке, отличающемся мужественной красотой или удастью, отвагой, смелостью’ [13, с. 459]. *Взор орлиный и взлёт соколиный; Видом орёл, умом – тетерев; На взгляд что орёл, а по уму как филин* [15]. Поллюсом отрицательной коннотации становятся орнитонимы: 1) *тетерев* – ‘о человеке глуповатом, недалёком или неказистом’, т.е. ‘невзрачном на вид, внешне некрасивом; непривлекательном’ [13, с. 829]; 2) *сова* [3, с. 55], *сыч* [Там же, с. 1379], *филин* – ‘о мрачном, угрюмом, нелюдимом человеке’ [4, с. 1377]. Это значение проявляется в сравнительном обороте: *надулся как сыч (сова, филин)* и частично в поговорке *Виден сыч по полёту, сова по погляду* (по взгляду, по манере смотреть). В поговорке *Сова не родит сокола, а таково же черта, как сама компонент черт* соотносится с христианским кодом культуры: в христианстве *сова* как существо загадочное, ведущее ночной образ жизни, стала символом нечисти и колдовства [5, с. 430].

Орнитологические бинамы (термин Е. И. Селиверстовой) [17] *орёл – тетерев; орёл – филин; сокол – ворона; пава – ворона* отражают стереотипы красоты и уродства, сложившиеся в народном сознании, содержат аксиологическую оценку, формируют культурную коннотацию поговорок. Положительный полюс аксиологической оценки в русских поговорках при описании внешности человека формируют орнитонимы *орёл, сокол, пава*, отрицательный полюс – *тетерев, сыч, филин, сова, ворона*.

В китайских поговорках нам удалось обнаружить незначительное количество наименований птиц в составе поговорок при описании внешности человека (*феникс, журавль, ястреб*).

Орнитоним *феникс* чаще других единиц используется в китайских поговорках: *凤凰靠羽毛, 姑娘靠衣裳 (Оперение красит птицу феникс, одежда красит девушку); 龙眉凤目, 蜂腰削背 (Брови дракона, глаза феникса, талия и спина медоносной пчелы – о женщине, имеющей красивый внешний вид)* [23].

Волшебная птица *феникс* всегда знаменует собой процветание и благоденствие. В китайской поговорочной традиции компоненты-зоонимы часто используются парами. Так, дракон и феникс являются постоянными компонентами в поговорках: «Дракон и феникс – предвестники радостного события». В древнем Китае дракон и феникс являлись символами императора и императрицы. Постепенно, образ феникса трансформировался в образ прекрасной (красивой) женщины [21, с. 98].

Орнитоним *журавль (журавлиный)* занимает основное место при описании внешности крепкого, здорового человека преклонного возраста: *鹤发鸡皮 (Журавлиные волосы, куриная кожа – о старом человеке: ‘седой, как лунь; лицо, как печеное яблоко’); 鹤发童颜 (Журавлиные волосы, лицо ребёнка – о старом человеке: ‘хоть и стар, но молод душой’); 鹤发松姿 (Волосы журавля, вид сосны – о здоровом старике)* [23].

Журавль чрезвычайно почитаем в Китае, здесь эта птица считается «царём всех пернатых существ на Земле. Журавлю по популярности уступает только феникс. Китайское слово “журавль” сходно по произношению со словами “мир”, “согласие”, “гармония”. В китайской мифологии журавли часто являются спутниками небожителей, бессмертных существ; они выступают как посредники между земным и потусторонним

мирами, также эта птица часто сопровождает мудрецов – даосов. Китайцы верят, что после смерти даосы превращаются в журавлей» [9]. Таким образом, журавль является символом мудрости и долгой жизни в мире и гармонии. Поэтому в китайской языковой картине мира очень часто орнитоним *журавль* используется для описания старого, но очень здорового и мудрого человека, как привило, мужчины [Там же].

Орнитоним *ласточка* также является носителем положительной коннотации в китайской лингвокультуре: 身轻如燕 (*Двигаться очень легко и проворно, как ласточка* – о мужчине, имеющем плавные и изящные манеры) [23].

Ласточки часто живут парами под карнизом человеческого жилья. Китайское слово *ласточка* сходно по произношению со словом «благополучие», поэтому в китайском сознании орнитоним *ласточка* наделён положительной коннотацией. В связи с тем, что ласточка тонка, искусна, изящна, миниатюрна, во многих китайских литературных произведениях орнитоним *ласточка* используется для описания мужчины, который имеет красивую внешность и высокий уровень владения Кунфу [22, с. 32].

Орнитоним *ястреб* может служить примером отрицательной аксиологической оценки при описании внешности человека в китайской лингвокультуре: 眼若饥鹰 (*Глаза голодного ястреба* – о человеке очень жадном и хитром); 鹰鼻鹞眼 (*Нос коршуна, глаза ястреба* (злодейский вид, свирепое лицо)).

В китайском сознании *ястреб* и *коршун* – птицы свирепые, жестокие, сильные. У них острое хищное зрение. Орнитоним *коршун*, *ястреб* (*ястребиный*) в китайской лингвокультуре используется для описания агрессивного, хищного взгляда (поведения).

Таким образом, положительный полюс аксиологической оценки в китайских пословицах при описании внешности человека формируют орнитонимы *феникс*, *журавль*, *ласточка*, отрицательный полюс – *ястреб*, *коршун*.

Очевидно, что набор орнитонимов в составе паремий в двух языках не совпадает. В русском языке не используются для описания внешности человека в составе паремий такие единицы, как: *феникс*, *журавль* (*журавлиный*), *ястреб* (*ястребиный*). В русском языке орнитонимы *журавль* и *ястреб* встречаются в составе устойчивых сравнений: длинноногий как журавль, глаза как у ястреба и, соответственно, не имеют мифологического подтекста, свойственного китайским единицам. Орнитоним *феникс* является безэквивалентным для русской лингвокультуры.

Набор орнитонимов в составе русских паремий является лакунарным для китайской лингвокультуры. Эти единицы не используются в китайских паремиях для описания внешности человека, птицы и их названия вызывают другие ассоциации, отличные от ассоциаций, возникающих в русском языке, и имеют другую аксиологическую ценность в китайской лингвокультуре.

Таким образом, целью лингвокультурологического анализа является описание образности ключевых компонентов паремий с целью вычленения культурной коннотации пословиц и поговорок.

Список источников

1. Алешин А. С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект. СПб.: Нестор-История, 2012. 260 с.
2. Большой академический словарь русского языка (Словарь современного русского литературного языка): в 17-ти т. СПб.: Наука, 2006. Т. II. 1393 с.
3. Большой академический словарь русского языка (Словарь современного русского литературного языка): в 17-ти т. СПб.: Наука, 2006. Т. XIV. 1390 с.
4. Большой академический словарь русского языка (Словарь современного русского литературного языка): в 17-ти т. СПб.: Наука, 2006. Т. XVI. 1610 с.
5. Бутромеев В. П. Мифы и легенды древних славян. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 448 с.
6. Викисловарь [Электронный ресурс]: многоязычный открытый словарь. URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 07.12.2017).
7. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
8. Дроздов А. В. Признаки описания бровей, используемые при составлении словесного портрета // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: 9-я международная научно-практическая конференция. Барнаул, 2011. С. 42-43.
9. Журавль в японской и китайской мифологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/3469412/post196817523/> (дата обращения: 26.04.2012).
10. Зиновьева Е. И., Пи Цзянькунь. Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 18-24.
11. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд-е 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.
12. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
13. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004. 960 с.
14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
15. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://search1.ruscorpota.ru> (дата обращения: 07.12.2017).
17. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: ООО «МИРС», 2009. 270 с.
18. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН; Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 4-е, стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. I. 696 с.

19. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
20. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: монография. СПб.: Издательский дом «Мир русского слова», 2012. 254 с.
21. 居阅时, 高福进 中国象征文化图志. 山东: 齐鲁出版社, 2010. 255 页 (Цзюй Юеши, Гао Фуцзинь. Энциклопедия символов китайской культуры. Шаньдун: Изд-во Цилу, 2010. 255 с.).
22. 黄俊峰, 黄芳 汉英成语中动物形象的文化对. 长春: 吉林出版社, 2001. 54 页 (Хуан Цзюньфэн, Хуан Фан. Культурологическое сравнение образов животных во фразеологии китайского и английского языков. Чанчунь: Изд-во Цилинь, 2001. 54 с.).
23. 温端政 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2011. 1130 页 (Уэнь Дуань Чень. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2011. 1130 с.).

LINGUO-CULTUROLOGICAL INTERPRETATION OF PAROEMIAS WITH THE COMPONENT-ORNITHONYM IN THE DESCRIPTION OF HUMAN APPEARANCE

Li Wenrui
Saint Petersburg University
feixuezaixiatian@gmail.com

Linguo-culturological trend in the study of the Russian language, Russian phraseology and paroemiology is one of the most promising. The article examines the means to interpret the Russian paroemias against the background of their Chinese equivalents in the linguo-culturological aspect. The basic technique to identify the cultural connotation of paroemia, taking into account different cultural codes, is linguo-culturological commentary. Such commentary includes several stages: describing the meaning of the basic component of paroemia, discovering its figurativeness and axiological value.

Key words and phrases: linguo-culturological commentary; paroemia; ornithonym; zoonym; axiological value; cultural codes.

УДК 811.161.1

Статья раскрывает семантические особенности научно-технических терминов с ключевыми элементами, называющими членов семьи: “mother” («мать, материнский»), “parent” («родитель, родительский»), “daughter” («дочь, дочерний») и др. Указываются области знания и промышленности, где такие терминологические словосочетания употребляются. Приводятся примеры использования подобных лексических единиц в статьях научно-технической направленности, как на английском, так и на русском языке. На основании проведённого анализа ставится задача составления двуязычного словаря, содержащего термины не только с названиями членов семьи, но и со словами, отражающими вид деятельности человека (“doctor” («доктор, докторский»), “pilot” («пилот»), “thief” («вор»)). Создание такого научно-технического словаря будет способствовать упорядочению образной терминологии, а также служить вспомогательным средством в практической деятельности переводчиков и преподавателей.

Ключевые слова и фразы: ключевой компонент; научно-технический термин; наименования членов семьи; образные термины; научно-технические тексты; разработка двуязычного словаря.

Лопатина Елена Валентиновна, к. филол. н.
Уфимский государственный нефтяной технический университет
svethyachok_helen@mail.ru

НАЗВАНИЯ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В настоящее время большинство лингвистов определяют языкознание как антропологическую науку, что подразумевает исследование языковых процессов в непрерывной связи с потребностями коммуникативной деятельности. В данном случае учитывается человеческий фактор, когда субъект речи включается в описание языковых механизмов.

«Терминология как пласт лексической системы языка отражает многие процессы, происходящие в лексике национального языка в целом, при этом претерпевает и уникальные, свойственные только терминологии, процессы» [17, с. 141]. Личные имена и имена собственные, перешедшие в разряд нарицательных, часто являются ключевыми компонентами научно-технических терминов в английском и русском языках. Такие составляющие выполняют ряд важных функций при назывании определённого прибора, инструмента или механизма.

Одной из основных целей использования имён собственных в составе терминологических единиц является **краткое, более точное наименование различных технологических процессов и явлений, механических приспособлений и устройств**. Например, производство карбида кремния в дуговой электропечи в английском языке обозначается *Acheson process*, по имени американского химика, создателя карбида кремния Эдварда Ачесона (1856-1931). В русском языке обнаруживается такой термин, как *турбобур Капелюшников* [15].